

Журнал "Байкал"

№ 6, 1968

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Байкал": № 6, 1968 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 164 с.

ISBN 978-5-458-66527-8

Журнал "Байкал" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходился в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66527-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЛЕДЫ

На долину, где столько трав
красовалось, цвело, впитав
соки почвы и неба, теперь
звезды снежные опадают:
седной убеляется степь.
Степь исписывается следами.
Сколько их! Все в следах, взгляни,
все заметнее оттиски эти.
Ты уходишь вперед, а они
позади остаются на месте.

На заре бездорожье окинь:
в целине, с утра непочатой,
остаются, чернея, шаги,
точно буквы в бумагу впечатаны.
Ты идешь—а они за тобой,
словно тень, как молва или имя.
Видишь, сеть многих тысяч следов?
Но твои остаются твоими.

На искрящемся хрустком снегу:
след, следы, сосчитать не могу!
Вот идущие прямоком
вдаль, отчетливо-резкие, дерзкие...
Вот спиралью сужаясь, кругом,
тут топтался кто-то в бездействии.

Ты идешь. Хоть и ноша тяжка...
Где-то движешься тише и реже...
То вдруг шагом по-прежнему свежим
ты спешишь... то встречаешь врага...
Все покажут под солнцем снега,
жизни белое первоснежье!

Ну и что ж! Может быть, их прочтет
тот, кто вслед за тобою пойдет...
Побережьем морским, на разъезде,
по глубоким снегам, на рассвете,
мы уходим, а наши следы
позади остаются, на месте.
Как оставили их я и ты.

РЕЗЬБА ПО НЕБУ

Так и Гэсэр не скакал в старину,—
взмыл самолет в небес целину:
мгновенно витье реактивного
в сандаловой глади небес!
Взвившись в область неоглядимого,
он свой звук обогнал,
и исчез!

На хулэге стальном во весь опор,—
лишь промельк столбов и железных опор,—
мчимся степью... Мимо холмов и озер,
рек с старинными названиями.
А над нами — землянами —
струнный гул проводов осеняет простор,
напряженьем высоким
названивая.

Все выше—следы человеческих дел!
Что сказал бы теперь наш табунщик-дед?
Он чеканил узоры свои, удалец,

на кинжалах и ножнах навечно,
и на золоте девичьих колец,
на уздечке он делал
насечки.

Поглядел бы, как врезывается вдруг
этот юноша летчик, его внук,
в небо! В небо, которому били поклон
скотоводы давно когда-то...
Ну и ахает от сверхскоростей оно,
от полета
пилота-бурята!

И предела, наверное, этому нет:
звезды вздрогнут от вознесенья ракет!
И, наверное, эту песню не зря
я сложил, поглядев над собою,
где летит мой товарищ, земляк.
Это в небе свой след пролагает земля,
труд расписывается в небе
резьбою!

В УЛУСЕ МОЕМ

Каждый год я бываю в улусе родном,
и куда ни постучусь:
... Заходите же!
Там расспросят меня
о здоровье моем,
о семье моей
и о детишках.

Сварят сочное мясо, заварят чай,
и с почтеньем усадят обедать.
Надо всех навестить,
угощенья отведать,
обо всем расспроси,
и на все отвечай.

Да и как с молодыми не бражничать
вместе,
сам недавно я был молодым.
Да и как стариков
не уважить по чести:
ведь и сам
становлюсь я седым.

Жизнь, ей-богу, похожа на медленный
поезд!

Кто сошел...
Кто лишь входит...
И едем опять.
Беспокоюсь, гошу,
и пускаюсь на поиск,
чтоб кого-то еще
навестить и обнять.

Жизнь, как поезд.
вот я и пускаюсь на поиск!
Чтоб успеть...
Это память тревожит опять...
Но мой отпуск проходит,
проходит мой отпуск!
К сожаленью, пора уезжать.

Каждый год я бываю в улусе родном,
где над крышами дым духовитый.
Открывает мне двери свои
каждый дом,
и все души
мне тоже открыты!

ВЕСЕННИЙ ВЫКЛИК

Казалось в детстве: зов кукушки ранний
весну зовет.
И от ее лесного кукованья
вдруг лопнут почки, расцветет осот.

И гулкие отчетливые звуки
велят опять,
чтоб мы бежали, ножички взяв в руки,
жембуры из лозинки вырезать...

Я и сейчас, едва вдали слышу
ее ку-ку,
как будто становлюсь моложе, вижу
ростки и почки в поле, на лугу.

И лишь опять кукушка закукует,
наш старый друг,

листочки выстрелят из почек и, ликуя,
все ветви соком полнятся вокруг.

Ручьи бегут быстрее, питая щедро
пласты водой.
Задрал хвосты, телята ошалело
несутся вскачь по травке молодой.

А на опушке, словно в гулком зале,
кликнет ребят!
Жембуры, что мы в детстве вырезали,
звенят по-прежнему кукушке в лад.

Что ж, так и будет! Заново тревожны,
здесь надо мной
синеют и вдали кукуют вёсны,
своей волною вечной новизной.

СЕЛЕНГА ЗИМОЙ

По зимней, синей, снежной Селенге
мальчишки разлетелись налегке!
В свитерах и куртках желтых, рыжих,
на норвегах носятся, на лыжах!
С берега—по льду, в обгон, бегом.
То поодиночке, то гуськом.

Вот в ушанке лыжник вдруг возник,
вниз с холма... Лишь палками:
вжик, вжик!
А другой—уже лишь спину вижу—
режет снег до ближнего леска.
Пух сухой с шипеньем лыжи лижут,
будто два широких языка.

В свитерах, фуфайках рыжих, синих
сколько школьников, подростков длинных,
конькобежцев, удалых ребят!
Свитерами яркими рябят!
Гибкие, быстрее, смелее всех!..
Годы шестидесятые. Новый век...

И вдруг стемнело,
вдруг порыв пурги.
Не видать на Селенге ни зги.
И лишь выныривают из дыма
фигуры чьи-то неразлично.
С виду лишь—посумрачней, постарше,
строже, словно воины на марше.

Лица посуровой, взгляды суше...
Может, этих юношей отцы?
Это пронеслись, полусогнувшись,
мимо автоматчики, бойцы!
А за ними, в пелене буранной,
люди — в полушубках, вдалеке,
смутно промелькнули... Партизаны?..
Вот что померещилось в пурге.

Но метель стихает, и чуть ближе
вижу — в соснах, в тишине зимы:
друг за другом, на бесшумных лыжах,
кто там в маскхалатах? Это мы...
Всё. И нет пурги.

Как странно, что и наши годы
идут — все дальше — на закат.
А солнце всходит и заходит,
как миллионы лет назад.

Телок полями скачет резво,
задравши хвост, неутомим.
За хвост его схватив, как в детстве,
уже не побежишь за ним.

Над берегами
солнце заблестело, луч зажег
всю равнину гладкую, как шелк.
Школьники опять летят кругами
мимо. И снижается снежок.

Носятся они, блестя коньками,
школьники, студенты и детсад.
Лед, как полированный, сверкает,
как горят глазищи у ребят!
Как весь берег ярок и наряден!
Мчитесь, что вам ветер и метель!
Не смущаясь, не считаясь с тем,
что один чудаковатый дядя,
то есть я, на вас любовно глядя,
что-то вспомнил в этот звонкий день!

* * *

И жеребенок — неук браво
летит, почуявши простор.
Арканом захлестнешь, бывало,
и мчишь на нем во весь опор!

Вот незнакомка с чудным взглядом —
как гений чистой красоты...
Болтая бог весь что, с ней рядом
уж не пойдешь, наверно, ты..

СТЕПНАЯ НОЧЬ

Тени простерлись по всей широте
пыльных дорог, и вдали
длинные сопки прорезали степь,
как жилы под кожей земли.

Днем они ближе, синее слегка...
Дремлющая их гряда
кажется рядом, недалеко,
а не добраться туда.

Тихо. Кузнечики не звенят.
Мрака великий покой.
Космос и я. Он глядит на меня
искристой млечной рекой.

Но, вновь алмазами заблестав,
солнце встает в выси,
и снова становится по местам
все вдалеке и вблизи.

Степь с одного угла занялась,
вспыхивает, горит.
Блеском глаза ослепляет враз!..
Оркестр цикад гремит!

Ширится алой зари камча.
И всадник навстречу дню
в путь отбывает опять, стуча
пяткой в бока коню.

ВЕНИК

— Березовый веник,
жаркий веник,
а ну, стегай сильнее, всласть,
за целость прутьев не боясь.
Ты ж работяга, не бездельник,
пог с тела лей ручьями, веник,
хлещи, сдирая с кожи грязь!

— А я и так тружусь, стегаю.
смываю всю грязь, смотри,
да жаль — до той не достигаю,

до грязи, копоти и гари,
что в душах копится, внутри.

— А ну, березовый, горячий,
давай покрепче, голубарь!
Доканчивай, уж коли начал,
все то, что въелось в поры, прячься,
парком, с прихлестом, вышибай!

Да прошибай до слез! А ну-ка,
жарь прутьями,

арта наука.
вель с силой, чуть не до кости,
горячий венчик свистит...
Но отвечает венчик смело:
Влезть глубже не могу я в тело,
сколь я ни прыток, ни остер,
да и мое ли это дело?
А не моих ли всех сестер?—
растущих во поле широком,
в просторных рощах, вдоль дорог,
с узорами на стройных, строгих
стволах, с душистым вешним соком,
с гиляндами пушных серёг.

То они пляшут в сентябре,
когда сорвется вихрь холодный,
свой буйный ёхор хороводный,
то смирно, в тишине глубокой,
грустят под вечер, на заре...

Ай венчик, веселый венчик,
как верен твой горячий сказ
о сёстрах о твоих весенних,
березках в рощах и лесках!

Их шум, певучие их ветви,
как шен белых лебедей,
вершины их, и воздух вешний —
облагораживают вечно
сердца и думы у людей.

* *
* *

Ты выходишь чуть свет,
когда облака лишь
розовеют, и по степной целине
ежедневно до тьмы за отарой шагаешь,
для овецкища траву посочней.

Зябнешь ты в тэрлике
и овчинная сумка
на плече твоём, и ветра напролет
трут лицо твоё, оно стало сухо и смугло.
Ливень косы твои теребит и сечет.

Накормила детей,
уложив, убаюкав.
Спит девчурка, спит жизнью довольный
малыш.

Положив на колени усталые руки,
на огонь ты задумчиво, долго глядишь.

Ты о чем так задумалась?
Может быть, горе?
Может, дремлешь в неясной тревоге
слепой?..

Пусть ушел, не оглянувшись, за горы
их отец, эти двое уж вечно с тобой.

ПОДСНЕЖНИКИ

С высоты припекло горячей,
вижу сотни в снегу горошин:
это прутики апрельских лучей
тут и там проткнули порошу.

И в проталинах, в черной воде
весь горит горизонт, спокоен,
где недавно еще метель
проносила с раскатистым воем.

Так тревожен весь горизонт,
так порывист, забывши про стужу,
и сугробы ручьями грызет,
что и нам будоражит всю душу.

Но водитель — ему недосуг
любоваться, застрял, не проедет,—
проклянная распутицу, вдруг
за кюветом подснежник заметил.

Подложил под колеса мостки,
еле выбрался... Взял на прощанье

эти синенькие лепестки,
родничковый цветок, самый ранний.

Снова в путь. Как продут окоём!
И шофер, весь в грязи от распутиц,
поместил свой букет над рулем,
у стекла ветрового. Любуйтесь!

Ой, подснежники! Свет синевы,
и тепло вместе с вами проснулось.
Для весны, точно вестники, вы
отдаёте расцвет свой и юность.

Раньше всех! И за вами вослед
как пойдут, как посыпятся валом
все цветы уже, счету им нет,—
по полям, по лугам, по дубравам.

Ваше время пройдет... А пока —
свежим ветром нас обвевая,
вон в подснежниках, в синих пучках
даль весенняя, даль полевая.

СЛОВО О РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Тоонто мое зарыто в тебе,
дорогая земля-сыра.
Вам спасибо, земля на заре, в серебре,
и ая, голубая трава.

Омулевая и озерная,
в зернах жита, зеленая, желтая,
с небом — в нересте частых звезд!
Мать-земля забайкальского края,
благодарствую! И благословляю
твой расцвет я и рост!

Степь бурятская — с холмистой полоской!
С чашей схожая гигантской и плоской,
из которой веками, полудики, тучны,
пьют отары и табуны.

Вот — от сердца—спасибо сегодня, земля,
где судьба, где семья и где юность моя!
Край и почва, и осени золото,
где зарыто мое тоонто.

Нет, нельзя о тебе говорить вполнекала,
как-то скованно, сдержанно очень уж.
С нас довольно и в жизни иногда

холодка...

И желаю я вам, в свою очередь —

вам желаю,
набирайте в патронники сот,
пчелы милые, меда заряды!
Пусть команду паровоз на подъеме поет,
и вагоны за ним, как солдаты.

Пусть багульник набухает сырой,
пахнет кожей дух его вешний.
Облепиха пусть лепится крупной икрой,
она мне помогла от болезней.

Ах ты, солнце,— прекрасное существо,
батор огненнолицый, мой рыжий!

Сколько было колдобин, и мне не везло!
И не ты бы — я, может, не выжил.

Ну, спасибо, спасибо, тугие стога
на осенней стерне! И тайга, и луга!
И аршаны шипучие, и снега!..
Кто смеется над стихом этим рьяным?

Невозможно стихи хладнокровно слагать,
я тут весь — нараспах,
рвусь полсвета обнять!
Чего в жизни порою нельзя нам...

Кто смеется? И, славя четыре стены,
позабыл о земле?.. Ногу в стремя!
Перед солнцем и Родиной все мы равны
лишь вперед наше движется время.

Ногу в стремя! Просторами черной земли
еду в даль, по долинам моей стороны,
над полями!
Пусть над холкой коня выплывает вдали
шар зари, будто алый бутон сараны,
солнца пламя!

Омулевая и озерная,
в зернах жита, зеленая, желтая,
с небом — в нересте частых звезд!
Мать-земля забайкальского края,
Благодарствую! И благословляю
твой расцвет я и рост!

И река Селенга, и Саяны кругом,
в синеве обступающие углом,
ввысь, во весь небосклон...
И трава в степях, необозрима...

Вы примите поклон
от сына!

Перевод А. КОРЕНЕВА.

ИЗ КНИГИ СТИХОВ «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

* * *

Синие луга под облаками.
Облака и свет — двухсветный зал!
Сотню лет еще пребудет с нами
нежность...

Впрочем, кто это сказал?
Кто сказал, не важно, может, — Пушкин,
может, слесарь Колька...

Все равно
этот мир для доброго разбужен
и устал от циников давно!

* * *

Легко же тебе,
 синеглазый лешак!
Словами пустыми вокруг поливаешь:
«Ах, милая женщина... Надо же так!
Ты все понимаешь... ты все понимаешь...»
Обычная лесть. Со значеньем слова.
На них благодарным ответствуя взглядом,
приходит любимая рвать рукава,
и спину студить, чтоб насытиться ядом!
И кажется ей, что в чужую судьбу
вошла долгожданной и неумолимой...
Но утром ты гонишь ее, как сову.
«Ты все понимаешь...»
«Конечно, любимый...»
Но разве заслуга — другого понять?
Мы все понимаем. Мы все понимаем.
Друзей обнимаем. Потом умираем.
А если умрем — не родимся опять...
Так если ты кем-то не понят — живи
с тетрадкой своей,
 звездолетом,

 сараем.

Мы лучшие мысли поддержим твои!
Мы все понимаем. Мы все понимаем...
Не нужно смущать никого и нигде
причастностью мнимой к раздумиям
 странным.

Плывут корабли по холодной воде
к далеким зеленым и розовым странам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращаюсь! Я отныне возвращаюсь,
тру глаза, кричу:

— Примите мой привет!..

Возвращаюсь в этот мир, где возрождаюсь
птицей Феникс

я из пепла сигарет —
возвращаюсь! Возвращаюсь удивленно
с хриплым горлом после спора из гостей...
В город входят гуси лапчатые — клены.
Дуют ветры, ветры хлебные с полей!
Я напутал.

я письмо в пчелиный улей
бросил утром —

но умеете пожалеть...

Возвращаюсь из блестящих вестибюлей —
арифмометрами шелкать и звенеть.

От любимой уйду —

а это значит,

возвращаюсь!

Поздно утром прихожу —
возвращаюсь!

Красно-синий детский мячик
во дворе стучит —

хотите, покажу?

Отучить меня вы вовсе
не пытайтесь.

Все мне ново, словно я издалека.
Будьте счастливы!

И тоже возвращайтесь...

Пусть вас встретят:
люди, птицы, облака...

* * *

С. С. Нар-ву

Никакие личные удачи,
деловые ранние звонки
не ведут, не проведут вас дальше
нашей эры — огненной реки.

Так что нужно всем остановиться,
выключить и твист, и болтовню
и увидеть: в небе мчится птица
и прожектор тлеет на корню.
Рожь цветет. Мерцает корпус бомбы.
За лесами — разворот дождей...
И качают в теплых люльках бабы
завтрашних уверенных вождей.

Мы на них посмотрим, подберем.
Мы спохватимся!

Но лишь едва
им придумать что-нибудь успеем —
новые надежные слова...

* * *

Зноет зеленым плывет
мимо любого оконца
международный год
Неспокойного Солнца.

Все неустойчиво: дым
над молодежным кострищем...
Все непонятно: дом,
склонный к прабабкиным вишням...

Души спрягать настает
по падежам червонца
международный год
Торопливого Солнца.

Все неизвестно: цена
нежности нашей и муки...
Снова гитары струна —
вечная щель Разлуки...

Нас он не обойдет
долей свинца и света
международный год
Неспокойного Сердца.

Многому ли потом
ясным лицом повернемся?
И далеко ли пойдем?
Издали ли вернемся?

* * *

Пыль на жестяных репьях. Дорога.
Чудный мир. Попробуй, обойди.
Радуга — кольцо в носу у бога!
Дикий мир. Свистульки и дожди.
Старые слова беру. Забота —
как же быть, чтоб яркое письмо?

Вот у слов истерлась позолота.
Выступило золото само.

Красноярск—Москва—Саяны.

ИМПРОВИЗАЦИИ ВЕРЛИБРОМ

РЫБАЦКАЯ ПЕСНЯ

Я опрокинусь небом,
ты разольешься морем,—
мы засинеет вместе
горизонтом вдаль...
Буду в тебе отражаться,
будем с тобой целоваться,—
и поплывут между нами
белые корабли!

ЛИЦО

Лицо моей милой —
экран ее робкой души.
Как к устью,
бегут сюда тайные страсти,
чтоб встретить здесь нежную пору
цветенья.

Оно
под ладонью моей
юно
и так трепетно ново,
любовным теплом отвечая на ласки.
Как море,
мерцает загадочным светом,
качая на дне
две туманных утопших звезды.

* *
*

В час рождественский люди
звонят в бокалы,
чествуют агнца
розовощекого,
бьющего крыльями
над могилкою старого года,
не зная,
а что у младенца за пазухой.

Исай КАЛАШНИКОВ
**Разрыв —
трава**
РИМАН

XIII

Когда на мельнице было не завозно, Петруха Труба промышлял выгонкой дегтя, смолы, дранье драл. Зарабатывал на этом так себе, самую малость: кому надо, сами этим делом занимались. Игнат сторговал у него два воза дранья за бесценнок, за пуд пшеницы. До сенокоса надо было перекрыть сарай, сейчас не успеешь, до самой осени времени не будет, и придется скотине мокнуть под дождем, месить ногами грязь.

Собрав остатки зерна (набралось полтора мешка), он поехал на мельницу. Пока будет зерно молотья, он расплатится с Петрухой, вывезет дранье.

Утром в лесу держалась прохлада. Солнечные лучи застревали в верхушках деревьев, и внизу, к траве, к рыжим пятнам хвои принимал сумрак. Пахло сосновой смолой, прелью, сырой землей. Мельница, обросшая мхом до крыши, стояла впритык к песчаному косогору, в пруду качались опрокинутые ольхи и кусты черемухи, у берега плескались, кричали утки. Мельница не работала, и вода из лотка тяжелым прозрачным пластом падала мимо котеса, вскипая, с шумом убежала в густую чащу. Избушка Петрухи стояла чуть в стороне, в невысоком, ровном, будто подстриженном сосняке, с трех сторон ее скобой охватывало прясло, огораживающее грядки с луком, чесноком и капустой.

Навстречу Игнату с лаем выскочил лохматый, невылинявший пес, за ним, тоже лохматые, один другого меньше — ребятишки. Были они одинаково непричесанные, в тряпье, так что Игнат не сразу разобрался, которые из них парнишки, которые — девчонки. Подошел Петруха, отогнал и собаку, и ребятишек, пригласил Игната в избу, чай пить.

Пистя, баба его, усадила Игната в передний угол, а слева, справа от него втиснулись за стол ребятишки. На столе в большом чугуне стоял пареный капустный лист, еще зеленый, слегка приправленный

Продолжение. Начало в № 5.